

18+ Андрей Караичев Битый Триплекс



Пока не умер -
Я бессмертен!

Андрей Караичев

**Битый триплекс. «Пока
не умер – я бессмертен!»**

«Издательские решения»

Караичев А.

Битый триплекс. «Пока не умер – я бессмертен!» / А. Караичев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987672-0

За стеной антисоветской пропаганды стало сложно замечать в творчестве о войне главного — Бессмертного Подвига советского народа. С малых годов, «впитывая» в себя рассказы, воспоминания, мемуары, автор постарался хотя бы немного донести в современном стиле то, для чего сегодня часто не находится места за агитацией о: «Победе вопреки тирану»; «Злом НКВД», «Славных парнях-фашистах». Страшно, что за этой «чернотой», нельзя рассмотреть Подвига многонационального, нашего народа в годы ВОВ.

ISBN 978-5-44-987672-0

© Караичев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Танк из реки	6
Глава 2. Путь к мечте	11
Глава 3. Война	18
Глава 4. Столица	26
Глава 5. Засада	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Битый триплекс «Пока не умер – я бессмертен!»

Андрей Караичев

© Андрей Караичев, 2022

ISBN 978-5-4498-7672-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Танк из реки

В преддверии знаменательного юбилея Победы в Великой Отечественной войне, мне вспомнился девяносто пятый год, когда к пятидесятилетию праздника «9 Мая», недавно созданным поисковым отрядом, производился подъём танка «Т-34» с илистого дна реки Северский Донец в Ростовской области.

Страна в те годы переживала не лучшие времена и, никакого отряда поисковиков не получилось бы собрать, не помоги нам один «добрый человек», из «новых русских», который взял на себя полное спонсирование проекта, правда, далеко не из благородных побуждений. Присутствовала его личная выгода. Кстати, тот танк ему захотелось поднять не с целью, возвести в центре города «на вечную стоянку», а установить в своём личном музее ВОВ (коллекционером был). Правда, к его чести, скажу: вход для ветеранов он сделал бесплатным, с остальных за просмотр выставок брал определённую сумму.

Остро стояла проблема, где именно нам найти танк? Понятно, что затонуло в годы войны бронетехники в водоёмах и болотах много, но хотелось знать точное место для поисков. Тогда я, ещё совсем зелёный парень, уговорил с трудом своего боевого деда, ветерана-танкиста, показать: где в Ростовской области может покоиться в объятиях рек или озёр легендарный «Т-34». Требовалась именно модель с «76-мм пушкой» – прихоть «блатного».

Дедушка согласился, и мы привезли его из Москвы на нашу малую Родину. Здесь он когда-то появился на свет, вырос, дрался с фашистами...

Единственным условием почётного ветерана стало, что останки танкистов захоронили с большими воинскими почестями.

Несмотря на преклонный возраст и ослабленное здоровье, дед Гена не только с первой попытки точно указал место, где на его глазах зимой 1943 – го года затонула «Тридцатьчетвёрка», но и предупредил:

– Вы ребята смотрите, он вверх дном там лежит, на башне. Перевернулся, когда под лёд уходил.

Вскоре начались первые попытки поднять боевую машину на берег: пригнали технику, оборудование, водолазов. Любопытствующих собралось много, невзирая на периодический летний дождь и нехарактерный для июля холодный ветерок.

Наконец, пришла долгожданная удача – из-под воды показалось 76 – ти миллиметровое орудие «утопленника».

Старший поискового отряда обратился к дедушке Гене:

– Отец, ты обмолвился, мол, в танке должны покоиться останки экипажа, а сколько человек там внутри, если не секрет?

– Скоро сам увидишь, сынок, когда поднимите машину, зачем торопиться?

– Просто сгораю от любопытства! Та-а-к, сколько?

Ветерану явно не нравилась весёлая обстановка, царящая при подъёме танка: сам он оставался печальным, наверное, возвращался мысленно к временам военных событий. Тем не менее сухо ответил:

– Пятеро...

Главный, боясь обидеть дедушку, аккуратно пояснил:

– Путаешь ты чего-то отец – это «Тридцатьчетвёрка» 1942 – го года выпуска, у неё экипаж всего четыре человека. Это на «85 – ой» появится пятый танкист – наводчик!

Дед Гена медленно достал папиросу из кармана (бабушка ему запрещала курить из-за здоровья, но её не было с нами), чиркнул спичкой, глубоко затянулся, плавно выпустив дым, ответил:

– Ничего я не путаю, сынок. Достанешь, убедишься! С ними там, в рубке, сестричка находилась... она, как обстрел начался, в башню запрыгнуть успела.

После слов ветерана старшему отряда стало неловко и извинившись, он ушёл давать указания водолазам. Дедушка пошёл в палатку отдохнуть, попросив заранее, чтобы перед тем, как танк вытащат полностью, разбудили его – хотел переодеться для почтения памяти боевых товарищей.

Выкатить «Тридцатьчетвёрку» удалось на следующий день, после обеда.

Ко всеобщему удивлению, дедушка Гена вышел встречать танк в военной, советской форме старого образца, с орденами: «Красного знамени», «Красной Звезды», «Ленина», медалью «За отвагу» и... Золотой Звездой Героя Советского Союза. Привычных для обывателя погон на форме бывшего танкиста не оказалось, вместо них красовались петлицы с «кубарями» старшего лейтенанта.

Снова главный поисковиков решил «упрекнуть» деда Гену:

– Отец! Так, в 1943 – ем году, погоны ввели, почему в петлицах?

Старик хитро улыбнулся.

– Верно, сынок! Только приказ вышел одевать всем погоны с 1 по 15 февраля 43-го, если память мне не изменяет, а танк этот затонул в конце января! Более того: я аж на «Курской дуге» петлицы встречал. То-то!

Ветеран снова вышел победителем в споре со старшим отряда, вогнав последнего в густые краски.

Когда «Тридцатьчетвёрка» выезжала на полый берег Донца, дедушка стоял по стойке «смирно», приложив руку (воинское приветствие) к высветившемуся танкошлему.

Дед Гена оказался прав: в танке мы обнаружили останки пяти человек, среди экипажа находилась погибшая медсестра, на её подгнившей санитарной сумке до сих пор частично сохранился цвет красного креста.

Членов экипажа и сестрички мы передали в руки сотрудников местного военкомата, а танк, освобождённый от боеприпасов и залежей ила, был успешно погружен на тягач для транспортировки и последующей реставрации.

Дедушка переоделся обратно в гражданку и присел рядом с молодёжью у костра, молча смотря на противоположный берег реки, где когда-то он вёл бои с нацистами. Долго наслаждаться тишиной ему не пришлось: вокруг ветерана образовалась немалое количество людей со всеобщей просьбой – рассказать подробности того сражения, когда провалился под лёд, недавно поднятый нами танк.

– Война шла! – отмахивался вначале заслуженный старик, – тогда многие гибли, случай не такой и редкий, чего рассказывать? Одно меня радует: танкисты, безымянными похоронены не останутся! Двоих имена и фамилии я до сих пор помню; документация подразделения, где они служили, должна сохраниться в архивах – восстановят всё. Половина века минуло, а только сейчас Герои упокоятся в земле, которую самоотверженно защищали.

– Расскажите! Нам всем интересно, я в журнале об этом напишу! – ласково уговаривала его девочка-корреспондент из областной газеты и, ветеран согласился на рассказ.

Со временем в памяти многое сгладилось, расплылось: что-то помню отчётливо и в деталях, другое совсем спуталось.

Я не должен был здесь оказаться – это не моя бригада. Попал в госпиталь, его разбомбили и, оторвался от своих: в пехоте успел повоевать, потом приказ Сталина «О танкистах» вышел и на время «прикомандировался» здесь.

Мои сослуживцы под Сталинградом страшные бои вели... я, конечно, туда рвался очень, но – приказ есть приказ! Везде воевать надо. Хоть шёл не сорок первый год, да танкисты в высокой цене ходили. А хорошие специалисты – подавно.

Странная штука: вплоть до «Курской дуги», наша бригада, что лягушка-путешественница была! Куда только меня с боевыми товарищами не кидало. Лишь после «перелома» оставались в одной танковой армии.

Тот день, когда Коли Ермоленко не стало (командир поднятой машины), ничем особенным не отличался с утра. Здесь проходили небольшие, так называемые «бои местного значения». Наши два экипажа послали на подмогу пехотному батальону сюда, плюс дополнительно дали танк в распоряжение – лёгкий «Т-70»; поехали втроём на задание.

Передряг серьёзных не намечалось, округа оставалась спокойной: посыльный сказал – наш пехотный батальон выбил немцев на другой берег Донца и практически уничтожил его очаги сопротивления. От нас требовалась то ли поддержка, если понадобится, то ли разведка боем – не припомню точно.

Поскольку ничего тяжёлого не предвиделось, командир предложил нам с Колей, мол, – «Возьмите себе в экипаж мехводо́в молодых, они только с училища, выпустились по ускоренной программе, не умеют ничего. Подтягивать их надо — край! Тем более они пока „безлошадные“, ваши то парни опытные, берите и учите молодых!»

Мы пробовали возражать, в ответ услышали, – «Это приказ! Выполняйте!» Пришлось своих механиков высаживать на время, себе брать молодых... куда деваться?

Отъехали от расположения на пару километров, у меня в груди что-то защемило, если хотите – интуицией назовите, но я этому чувству всю войну доверял. Может, потому и жив остался. Остановил наши машины, заряжающего посадил на своё место (командира-наводчика), он парень смышлённый был, с орудием немного знаком, думаю, – «Случись чего – справится!» – молодого механика на место заряжающего: хлопек крепкий, сбитый, в самый раз; сам устроился за рычагами.

Кольке советовал последовать моему примеру – ни в какую! Говорит:

– Брось ты, командир! Ничего не случится. Двум смертям не бывать, одной не миновать! Молодых учить пора, пускай моточасы накручивают, пока есть возможность.

Двинули к берегу.

Когда приехали, картина вырисовывалась следующей: немцев наши бойцы действительно хорошо побиили, справились без поддержки танков. Здесь надо понимать, что такое «бой местного значения»: убитые по льду реки лежали, не прям, чтобы много, но имелись: наши и фрицы. Раненые стонали, медсёстры им помогали, кого-то на носилках потащили, кого перевязывали прямо на снегу.

Даю команду: медленно, по одному, на другую сторону реки перебираться; лёд-то толстый был уже, мороз крепкий стоял третий месяц, но на всякий случай пошли по очереди. Переправились благополучно, ко мне командир пехотный подбежал, крикнул:

– Немцев причесали! Главная задача сейчас раненым помочь. Хорошо бы укрепиться. У меня солдат почти не осталось в строю, надо или подмоги ждать, или к своим возвращаться. Что танки прислали – хорошо, так спокойнее.

Капитан «царицы полей» метров на сто от моей машины отбежал и здесь снаряд близко с ним взорвался.

Гансы с высоты, где полуразрушенные дома оставались, начали нас поливать всем, что у них имелось: пулемётный огонь, пушечный, миномёты – всё разом. Они, гады, отлично замаскировались, даже я, имея большой опыт, никого не заметил, пока те стрелять не начали, обозначив свои позиции. Естественно, лёгкая паника поднялась.

Солдаты бросились врассыпную, а сестричка наша, Валентина, я успел заметить, к Ермоленко на танк заскочила и нырнула в башню.

Соображаю быстро: надо вперёд мчаться, у подножия пригорка прятаться, там «слепая зона» – не достанут. Рванул резко, маневрируя, за мгновения добрался, куда планировал и лихо развернул танк, сдав ещё немного задом для надёжности. Ох, что я тогда увидел, сквозь слегка приоткрытый люк! Колькин «Т-34» закрутился на месте и по льду в обратную сторону пошёл. Я за голову схватился. Кричу ему, – «Дурак, назад! Назад!» – Глупо, конечно... разве он мог меня слышать? Рации у нас к тому времени стояли на танках у всех, да вот добротной связью их назвать, язык не поворачивается. Думаю, у него мехвод молодой запаниковал... шутка ли?! – После ускоренного выпуска под первый обстрел попасть? Растерялся, наверное, а Ермоленко не успел на него повлиять, может, дополнительно сестричка в башне суматохи навела – другого объяснения не вижу...

Решали там всё считанные секунды... они доехали до середины реки, тут снаряд и попал в паре метров от их танка, прочность корки нарушилась, «Тридцатьчетвёрка» кувыркнулась под лёд... вот так.

Экипаж танкетки «Т-70» которую нам дали в помощь, грамотный оказался – не ожидал. Они не растерялись, обстрелянные вояки (там экипаж два человека), резво маневрируя и ведя огонь с ходу, ко мне сумели прорваться в «слепую зону», уцелели.

Пехота... кто успел на обратный берег перейти с ранеными, те спаслись, потом отстреливались слабенько, но молодцы, товарищей своих обездвиженных не бросили на верную смерть.

Быстро принимаю решение: бойцам нужно срочно прикрыть отход – рванул вдоль холма налево. Метров пятьсот проскочил, свернул на реку, там отмель должна начаться: если лёд лопнет, танк глубоко в воду не уйдёт – проскочили бы вброд.

Повезло, по нам не стреляли! Немцы сосредоточили огонь на отступающих с ранеными – шибко увлеклись, стервятники.

На другом берегу, мы чуть вперёд проехали, забрались на выгодную возвышенность. Я снова занял место «командира-наводчика» и начал обстреливать обнаружившие себя немецкие позиции; «Т – 70» последовал моему примеру. Хороший всё-таки экипаж воевал в танкетке, не растерялся – бил метко! Потом лично ходатайствовал об их награждении. Главное – мы сделали; предоставили возможность отойти нашим, эвакуировать раненых.

Но... Колька с экипажем и сестричкой там, на дне, больше чем на пятьдесят лет так и остались лежать...

– Скажите, – прервала корреспондент ветерана, – это тоже очень интересно: вы знали лично погибшую медсестру?

Дедушка помедлил немного, после, тяжело вздохнув, ответил:

– Да... война! Там человека знаешь пару дней, а кажется – всю жизнь знаком! С Валентиной мы недели две плотно общались. У нас что получилось: приехал я из боя с пустяковой царапиной, окалиной от брони плечо разодрало, она и пристала со своей медициной, так и познакомились. В минуты затишья на танцы ходили с ней... хорошая была девушка, молоденькая совсем, едва девятнадцать лет исполнилось, может и приписала годок-другой. Она, правда, по отношению ко мне некрасиво поступила – это уже моё личное проклятие в войну! Не одна она так делала.

– Уточните, если не секрет?

Ветеран что-то прокряхтел и ответил с улыбкой на лице:

– «Сдавала» меня командирам. Сам, наверное, виноват: в личных разговорах мыслей и чувств не скрывал, порой лишнего болтал. Тогда некоторые побаивались этого, мол, вдруг я специально такие, не совсем патриотичные беседы с ними веду, проверяю? Вот и шли к командиру. Я обиделся на неё сильно тогда. Но, во-первых – она не первая кто так со мной поступил; во-вторых – чего обижаться? Война идёт, девочка молоденькая, жизни и не видела, помирились с ней в итоге... а через несколько дней, Валя утонула.

– Дедуль, ты сильно по ней тосковал? – Сочувственно вырвалось у меня.

– Некогда горевать было! Говорю же: бои сильные шли, хоть бы полчаса выкроить себе, подремать, не до горевания. После да, конечно. Каждый день люди погибали, каждый час, минуту...

– А-а-а, кто ещё вас сдавал особисту? Тоже девушка, как я поняла? – Записывая в блокнот рассказ, поинтересовалась корреспондент.

– Да, то отдельная история – тяжёлый случай! С самого начала войны попала одна «пиявка», также вот, сдала в своё время, а меня как раз в партию должны принять вот-вот... особист тогда выручил наш. Нет, и без особиста, никто бы меня за болтовню в штрафбат не сослал! Чепуха! Но приём в партию могли и отложить. Девочка эта потом не знала, как прощения заслужить. Мы позже практически всю войну с ней вместе, бок о бок прошли... но обида на неё сильно в душе осела – не так, как на Валентину позже, ой не так... куда пуще.

– Расскажите! – Хором присутствующие обратились к дедушке.

– Это длинная история и начинать её надо издали! Что же я вам, весь свой боевой путь начну рассказывать?

– Да! – Снова в унисон поддержали ветерана.

Дед Гена широко улыбнулся.

– Хорошо! Может, завтра расскажу. Сегодня устал сильно, извините, не молодой давно. Пойду на боковую.

Глава 2. Путь к мечте

На следующий вечер, в палаточном лагере возле костра, дедушку окружили горожане, поисковики, корреспонденты. Они дружно уговорили ветерана поведать историю своей жизни, обещая написать про него многочисленные статьи, без утайки, искажений и купюр.

Дед Гена не любил вспоминать войну, но всё-таки поддался многочисленным уговорам и, подсев на пустой коробок из-под снаряжения (ближе к огню), окунулся в далёкую, боевую молодость.

Зовут меня – Скакунов Геннадий Григорьевич. Родился я в 1921-ом году, 25 февраля, почти год спустя после окончания Гражданской войны на Дону, в станице Романовской Ростовской области... точнее, тогда она именовалась – Донская область.

Интересно, не случись революция, я на свет бы не появился – это особая история. Мать за отца бы в жизни замуж не вышла – слишком разные материальные положения семей у них состоялись. Дед по материнской линии казачий офицер, зажиточный или кулак, как говорили тогда; отец из простых казаков, жил небогато.

Батя он давно мамку любил, с детства, пытался ухаживать неумело, всюду встречи искал, в ответ она его высмеивала и обидно обзывала – «Голодранец».

– «Э-э-х».

Однажды отец подвыпил, смелости набрался и свататься пошёл к любимой. Дед его тогда с лестницы спустил и собак стравил!..

Грянула революция: батя подался к большевикам, воевал за красных, стал коммунистом, а отец мамы, тот дрался за белоказаков, он же в есаулах ходил! Дед не вернулся с гражданской, пропал без вести... может успел эмигрировать, хотя, скорее всего – погиб на поле брани.

У мамы выхода другого не оставалось, кроме одного – за отца замуж выйти, иначе её с бабушкой могли сослать, как семью офицера и кулака. А так, стала супругой коммуниста, большевика и вдобавок – чекиста. Не любила она его никогда по-настоящему... такая мелодрама...

Во мне, правда, мать души не чаяла! Очень баловала, никогда руки не поднимала, хотя тогда это широко практиковалось, в воспитательных целях. Я долгое время единственным ребёнком в семье оставался – времена тяжёлые настали. Отец хоть и служил командиром, человеком являлся фанатично честным, преданным своему делу, партии.

Знаете, случалось, когда в начале тридцатых голодно стало, он ни разу, подчёркиваю, – НИ РАЗУ – в дом не принёс ни единой крохи свыше пайка! Нас с матушкой его подчинённые подкармливали. Принесут батона, хлеба или булочек, по-тихому дадут нам, палец ко рту приложат и просят:

– «Лидия Михайловна, только мужу не гутарьте! Он нас накажет шибко за это!»

Таким вот, Скакунов Григорий Яковлевич человеком был – до последнего вздоха (дожил до старости) оставался честным коммунистом и сталинистом. Ох и материл он Хрущёва, когда тот «Культ личности» разоблачал...

Из-за вышеупомянутого я получил необычное воспитание: пролетарий, мечтающий стать настоящим коммунистом, но имеющий «буржуйские» повадки и привычки, знающий правила поведения в «высоком обществе» и общающийся на «Ты» с этикетом. С одной стороны – это играло мне на руку при ухаживании за девушками; с другой – раздражало командиров, особенно до войны.

О детстве рассказывать, думаю, нечего: примерно всё проходило, как у ваших бабушек, да дедушек; хулиганил случалось, но и работал много, и учился жадно. Хоть сложно частенько выпадало, вспоминаю детские годы с теплотой – лучшая пора!

Когда подрос, очень популярной стала авиация, все в неё рвались. Вы что: Чкалов, Громов, Водопьянов! Эти имена гремели на всю страну и знал их любой мальчишка, да и девочки тоже. Да матушка меня переубедила, мол, – «На шо тебе сдались энти полёты? Вдарись об землю, станешь плоским шо лепёшка кизяка! Осваивай лучше трактор, никогда без работы не засидишься. Случись война, не приведи Христос, в танкисты пойдёшь. Под железом куды надёжнее». – Знала бы, Лидия Михайловна, каково оно, когда броню пробьют. Тем не менее своего она добила, я подумал, – «Действительно, освою трактор, профессия авторитетная, всегда в почёте буду! В армию призовут, там на танк пересяду!»

Учился в школе «на отлично» (спасибо матери), закончив её, хотел поступать в техникум (гражданский), чтобы трактор лучше освоить. Оно же молодость играла в голове, рассуждал, – «Отучусь, познаю технику в совершенстве, все станут ко мне бегать за советами по ремонту, за помощью!» – этого не случилось, судьба внесла свои корректировки в планы на предстоящую жизнь.

Вызвали в районный военкомат, служить-то мне идти рановато по годам было, но там предложили... хм, тогда, как предложения делались? – «Партия сказала надо – комсомолец ответил – есть!» Майор пригласил в кабинет, угостил чаем и ласково рассказал, что от меня требуется. Состоялся примерно такой разговор:

– Сынок, ты мечтаешь в совершенстве трактор освоить?

– Да!

– Вот и пойдёшь в танко-тракторный техникум.

В те годы считалось, что танк и трактор идут рука об руку.

– Я после этого техникума стану танкистом?

– Не совсем, сынок. Понимаешь, стране нужны специалисты разных областей. Родина нуждается в большом количестве бронетехники, а за ней требуется грамотный уход. Знаешь, сколько врагов и вредителей в стране выявили и обезвредили?

– Конечно.

– Сколько их осталось?! Если сам Халепский предателем оказался? Требуются благонадежные люди! Нужны обученные, подготовленные кадры. Читал выступления товарища Сталина на эту тему?

– Неоднократно.

– Не станем тогда гусей в лапти обувать, говорю прямо: на тебя пришёл запрос, отправишься в военный техникум, хорошо отучишься и пойдёшь в ГАБТУ (Главное автобронетанковое управление).

– Запрос? На меня?!

– Да. У тебя блистательные характеристики: учишься прекрасно, работаешь, трактором управлять немного научился в колхозе, отец у тебя служит в НКВД, человек проверенный, преданный Родине коммунист; активно участвовал в победе Красной Армии над белой контрой. Такие люди, как ты, нужны партии. Согласен?! – Хитрым прищуром уставился он на меня.

– Так точно!

– Вот и хорошо. Теперь ступай домой, – взялся военком за перо (железное, не гусиное), обмакнув его в чернила, принялся писать что-то в документах, – через неделю жду тебя с вещами, список необходимого возьмёшь у секретаря.

Чувства остались смешанными: не мог не радоваться высокому доверию, которое мне оказала Родина, и не огорчаться, что личные планы сильно изменились и я скоро покину дом, мать, семилетнюю сестрёнку, друзей и подружек из села. Ощущал, грядут колоссальные перемены и как прежде, не станется никогда.

Мать, разумеется, не сильно обрадовалась новостям, ударила в слёзы, – «Шибко быстро вырос!» – сестричка Люся тоже плакала, словно я на войну собирался.

В день отправки приехал батя, отпросился со службы из Киева по такому случаю на денёк, дал мне отеческие наставления, крепко обнял и подарил наручные часы (редкость в те годы); затем я отбыл в военкомат, откуда отправился к месту учёбы.

В техникуме мне очень понравилось!

Готовили нас превосходно, тщательно и строго. Помимо технических дисциплин осваивались: строевая, огневая, тактическая, политические подготовки; усиленно занимались спортом. Гоняли так, что первое время к вечеру еле доходили до кроватей: только приляжешь, глаза закроешь, снова – подъём! Так изо дня в день.

Учился я усердно, на «отлично», был очень жадным до знаний. А молодой совсем, кровь играет! Парни бегали в самоволку к девушкам, приходили потом, от них духами так веет – ух! Терпел, на первом месте занятия, думаю, – «Отучись грамотно, техникум окончу, тогда уж держитесь красавицы!» – Так оно и случилось бы, наверное, если не та страшная война...

Кормили плотно, следили, чтобы мы доедали до маленькой крошки. Нельзя было оставлять пищу в тарелках, – «Голодный боец – слабый защитник!» Поскольку учился я отлично, всё свободное время тратил на дополнительные занятия и нареканий не имел, стипендию платили щедрую. Ощущал себя богачом! Порой подарки домой отправлял, матери и сестрёнке (навещать редко приходилось, не отпускали, да и далеко), на что она бранила меня в письмах, – «Лучше на себя трать, на подружек, мы хорошо живём, ни в чём не нуждаемся, бог посылает». Стоит сказать, матушка хоть являлась настоящей казачкой и была нравов дореволюционных, она всегда убеждала меня, что с девочками надо ладить: пока молодой их много должно водиться вокруг, чтобы, когда повзрослею, от супруги гулять желания не возникало. Очень мудрая женщина – Лидия Михайловна.

Согласно планам, после техникума попал в инспекцию ГАБТУ, в танко-тракторный отдел, естественно, в низшие звенья, для испытания и выявления недостатков новых образцов военной техники.

Из больших плюсов там, которые мне очень помогут в предстоящей битве с фашистами, является то, как здорово я научился водить гусеничные машины различных типов, в том числе и новейших образцов. Превосходно разбирался в моторах: к войне мог на слух определять, что именно барахлит в двигателе. Признаюсь, «носы позадирали» мы с ребятами, считали себя асами.

В конце 1939 – го, как «благонадёжный», попал на Советско-Финский фронт – это «Зимняя война».

Нас пригнали вместе с танками «КВ», «СМК», «Т-100». В боях непосредственного участия я не принимал, ходил «на подхвате» у старших товарищей, но определённый опыт от той командировки получил.

Там же, в Финляндии, нашим военным стало понятно: многобашенные конструкции танков – тупиковая ветвь «эволюции» боевых машин. Лучшим показал себя тяжёлый «КВ», не лишённый недоработок, зато с очень мощной бронёй: пушкам финнов она оказалась не под силу. Это внушало огромную гордость за нашу Родину! Именно после тех проверок «КВ» боями и создали новый «танк-монстр» – «КВ-2», со 152-мм гаубицей, по тем временам – нечто невообразимое! Только с ним я личного дела не имел.

Другим важным фактором пребывания в Финляндии оказалось следующее: я твёрдо решил стать танкистом. Не техником, коим являлся, а именно членом экипажа – лично вести грозную машину в бой. Позавидовал товарищам, когда те рассказывали о тщетных попытках врага пробить броню их «КВ», и как в целом протекает бой, если ты внутри столь грозного танка.

Однако – это оказалось задачей не из лёгких!

Мои рапорта с просьбами о переводе сразу летели с командирского стола в мусорное ведро, под грозные наставления, – «Куда партия поставила, там и служи! Иначе, для чего

на тебя, оболтуса, потрачены государственные средства? Тебе Родина доверила изучать новейшую, секретную технику, а ты, этакий негодяй, ещё недоволен?!» – Парень я всегда был упрямый, надежды не терял.

Когда же близко познакомился с легендарной «Тридцатьчетвёркой» – сразу в неё влюбился!

Мне казалось – это чудо инженерной мысли, оружие будущего! Да, машиной достаточно тяжело управлять, инспекция ГАБТУ выявила уйму недоработок, были внесены рекомендации и требования для конструкторского бюро по их устранению, но своевременному исполнению того поручения помешала война.

Тем не менее «Т-34» оказался танком революционным, новаторским!

Понятно, «детских болезней» избежать конструкторам не удалось... да те же фрицы, со своей «Пантерой» сколько потом возиться станут, пока до ума её доведут (относительно)? То-то и оно! Но свой выбор я сделал окончательно: во что бы то ни стало – обязательно пойду в бой на «Т-34». Ах, что грядёт война, никто не сомневался, нападение было не «внезапным», а вероломным: все знали, новых сражений не избежать. Единственное, мы не могли предположить, насколько война получится трагической...

Весной сорок первого года, в день рождения Ленина, мне присвоили звание младшего воентехника – это равнялось общевойсковому младшему лейтенанту. Ближе к лету нас отправили с новыми танками в Ровенскую область, помогать осваивать «Тридцатьчетвёрки» в мехкорпусах. До тех пор танки старались держать в секрете: перевозили ночью, надёжно спрятав под брезентом. Когда приезжали в часть, лишний раз солдатам технику не показывали, ставили отдельно от других бронемашин в ангары, плотно накрывали чем-то и закрепляли часового.

Возле нас постоянно околачивались бойцы и командиры, очень всем хотелось хоть «одним глазком» взглянуть на новое оружие, прикоснуться к нему, в конце концов – скорее освоить!

К нам, техникам из комиссии ГАБТУ, относились с огромной завистью и уважением, даже чины от майора и далее, обращались по-особому, с почтением: не смели повышать голоса или делать замечания. Бытовало мнение, что мы относимся не только к техническому составу, но и к НКВД, оно понятно, абы кому новейшую технику не доверят.

Обстановка в приграничной зоне сложилась очень напряжённой: ни для кого секретом не являлось, что война с немцами не за горами. Эти стервятники скапливали бронетехнику на границе, их разведчики безнаказанно кружились над нашими головами – высота у фрицев оставалась недосягаемой для советских истребителей. Хотя если и смогли бы достать их, всё равно сбивать категорически запрещалось – сразу под суд.

К середине июня гитлеровцы взялись устраивать провокации, не то чтобы сильно, но наше самолюбие задевали.

Люди, что менее политически подкованы, злились, ругались, мол, – «Почему мы не отвечаем немцам огнём?! Они, понимаешь, стреляют по нашей территории, летают над головой, а мы молчим?! Дать Гитлеру ответ нужно немедленно, чтобы неповадно было впредь!» – Кто поумнее, те понимали: на провокации реагировать нельзя, сколь больно и тяжело бы не становилось. Приказ поступил от правительства: не поддаваться на уловки Германии.

Здесь нужно понимать: ответ СССР им хоть раз огнём – всё! Мы тем самым могли связать руки врагу: Гитлер завопил бы моментально на весь мир, – «Советы совершил нападение первым!» – тогда-а-а... совсем другая картина войны вышла. Глядишь, Великобритания и США стали помогать фашистам, а не нам. Особенно если учитывать опыт «Зимней войны», ведь финнам Англия активно поставляла оружие, деньги, добровольцев и т. д. для борьбы против Красной Армии.

Что могу сказать по поводу вины Сталина в катастрофических потерях на начало войны? Просто он не мог подумать, что Гитлер осмелится воевать на два фронта: с Англией и нами. А фюрер оказался именно сумасшедшим и напал! – Это большой просчёт Отца Народов...

В целом же, а что он мог сделать?! Повторюсь: нельзя было вестись на провокации и давать хоть малейшего повода Германии обвинить нас в развязывании войны. Если бы мы начали стягивать армию и технику ближе к границе, фюрер тогда заявил, – «Советы хотели напасть на „Рейх“, мне пришлось нанести превентивный удар», – и всё.

Сегодня легко рассуждать, – «Нужно так было поступать, да этак!» – тогда многое складывалось по-другому, будущего никто не знал. И вышло так, как мы имеем. Если вы хотите услышать от меня упрёки или плохое мнение в адрес Сталина – не дождётесь. Да, ошибок сделано нашим правительством немало тогда, но история не имеет сослагательного наклонения.

Теперь, пожалуй, попробуем меньше касаться политики? Вы же хотели услышать о войне из из-под брони танка, а не про правительственные кабинеты, верно?

Итак, с огромной болью в сердце и душе мы терпели провокации фашистов. Кто-то храбрился, говорил, – «Коли немец нападёт – мы его быстро побьём! Воевать станем малой кровью и на чужой территории!» – кто-то тихо шептал, – «Война предстоит серьёзная, затяжная и кровопролитная, фашист враг сильный!» – а находились и такие, – «Ничего не случится! Мы же пакт подписали. Гитлер тем более с Англией воюет. Нечего переживать! Всё это бабьи слухи!»

Хоть конфликта и ожидали многие со дня на день – директива ведь пришла в войска о приведении частей в полную боеготовность, всё равно, началась война для меня, как гром среди ясного неба! Отчасти так и есть – бомбы рвались повсюду. Рядом с нами располагался аэродром, на него столько «Юнкерсов» свой смертоносный груз высыпало, уму непостижимо. Нас, кто оставался в расположении (выходной был, многих отпустили) буквально выкидывало из кроватей! Несколько часов земля дрожала под ногами, сирена не смолкала.

В целом, начало войны (утро) я запомнил смутно – такая суматоха и неразбериха!

Все бегают, кричат, – «Война! Война!» – самолёты над головами кружат, рёв «Ю-87» с установленными на шасси устройствами для панической атаки... куда бежать, что делать?! Связи с центром нет, внятных приказов тоже, оружие не выдают! Танки, к счастью, наши не подверглись бомбардировкам, сумели сохранить от противника втайне своё месторасположение, но заводить машины нет команды.

Произошла катастрофа. Вы себе можете представить это? Смотреть издали на город, который вчера благополучно расцветал и шёл к социализму, где ты с товарищами гулял под руку с девушками, где многие из близких тебе людей находятся до сих пор – горит... всё в дыму! А самолёты врага продолжают кружить над ним и сбрасывать бомбы. Ведь наша авиация в приграничной зоне оказалась почти выведенной из боевого состояния...

Конечно, отдельные эпизоды героизма в небе случались, начиная с первых часов войны. Как мы радовались, когда наш «Ишачок» вогнал в землю проклятый «Хейнкель»!

Здесь же, в районе Дубно, совершил один из первых воздушных таранов лётчик с самым русским именем, – Иванов Иван Иванович, Герой Советского Союза, посмертно... он погиб или 22 – го июня, или 23 – го, славный был ас! Вечная Память!..

Ближе к полудню прибежал комиссар, важной птицей в тех краях был: боевой командир, прошёл Испанию, Финляндию. Он распорядился наконец-то выдать оружие тем, кто находился в расположении и, под свою ответственность, дал команду на выезд с последующим вступлением в бой танкам, в том числе и новейшим – нашим.

– Война началась, не до секретностей теперь! – Кричал он, размахивая «Наганом», – идут приграничные бои! Наши товарищи героически сражаются и проливают свою кровь, они ждут подкрепления. Кроме нас, ему неоткуда взяться – вперёд, братцы! Задавим вражескую падаль! За Родину! За Сталина!

Так для меня начиналась война.

Повезло – наш мехкорпус был достаточно обеспечен топливом, запчастями и боеприпасами, так нам, по крайней мере, казалось, пока не узнали масштабов наступления врага и реального положения дел на передовой.

Я, и несколько товарищей техников из ГАБТУ за рычагами сперва не сидели – некогда. На наши плечи свалились другие обязанности – прямые.

Ой, сколько «коробочек» различных моделей стояло по обочинам из-за пустяковых поломок! Мы, техники, бегали от машины к машине, старались молниеносно исправить их, если это оказывалось возможным: тут подкрути, тому заведи, того научи, подскажи. Я весь чёрный, промокший от пота, измученный жаждой и почти без сил, не переставал искать те остановленные танки, которые можно своими руками «привести в чувства».

Дальше хуже: кончалось топливо, боеприпасы, из-за поломок экипажи бросали или взрывали машины; местами начиналась паника, бегство или хуже – дезертирство. Чекисты, как и я, мотались по рядам колонн и загоняли в люки танкистов.

Стоит заметить: хоть случаи подрыва и оставления боевой техники нашими войсками случались, всё же не в таких колоссальных количествах, о которых вопили в перестройку. Дело в следующем: немецкие агитбригады, когда занимали позиции, «наводили порядок» немного там. Т.е. убрали тела, разбросанные ошметки брони, затем фотографировали с удобного ракурса танки и распускали пропаганду, мол, – «Красная Армия при одном виде доблестных германских солдат бежит в страхе!» – Геббельс умел это делать. Повторюсь: да, бросали технику из-за пустяковых неисправностей, это случалось. Только многие, очень многие, погибли в танках, выполняя свой боевой долг перед Родиной.

В тыл потянулись толпы беженцев... те, кому посчастливилось уцелеть в бомбардировках и в суматохе покинуть родной дом. Впервые я увидел столько крови, которая реками текла из раненых солдат... немец находился в нескольких километрах от нас. Отважные пограничники, конвойные войска НКВД больше не могли сдерживать натиск фашистской армады.

Признаюсь, не знаю, как бы сложилась моя судьба и, выжил бы ли я, не попал в плен и прочее, если не тот самый комиссар, что с револьвером в руке вдохновлял нас на подвиг.

Я присел за кормой сломанного «КВ-1»: перевести дух в тенишке, выпить нагретой воды на солнце и потому до омерзения горячей воды из алюминиевой фляжки, которая не спасала от жажды, когда командир, не выпуская из рук «Нагана», подсел рядом, протянув открытую пачку с папиросами.

– Утощайтесь, товарищ младший воентехник.

– Спасибо, товарищ комиссар, не курю.

– Это правильно! Я вот, с Гражданской привык, никак не брошу. Слушай, сынок, вижу ты специалист толковый, много машин отремонтировал?

– С десяток. Не знаю... если честно – не считал.

– Больше! Не скромничай. Молодец, только дальше дело не пойдёт. Всё что мог – ты сделал! Запчастей нет, а из навоза замок не построишь. Ты за рычагами как?

– Опыт имеется, товарищ командир.

– Бросай железки тогда. Сам видишь: не исправить ситуацию. Выбираем сейчас самые хорошие машины, сливаем в них топливо из безнадёжных; забиваем боекомплект и идём на подмогу товарищам. Тяжело им без танков! Победить, не победим... пока! а до подхода основных сил, время выиграем. И покажем, на что способны! Если ты не трусишь, конечно... там живыми остаться сложно, сынок...

В те годы, слово «трус» являлось невероятно позорным. Не дай бог, тебя таковым кто посчитает – это личная трагедия! Если сказали, не боишься ли ты чего-то – умри, а докажи, что нет!

– Зачем обижают, товарищ комиссар? Рвусь в бой!

– Передадим Гитлеру гостинец в виде обгоревшей брони Круппа!

Под командованием полкового комиссара в спешке начали готовить боееспособные танки для стремительного броска на подмогу товарищам: сливали масло, солярку и бензин с поломанных машин; резво грузили снаряды, патроны. Вскоре к нам на помощь пришли люди из беженцев, носили воду и брались за всё, что им скажут, у них оставалась надежда, – «Уж вы, танкисты, отбросите врага туда, откуда он пришёл!»

Бои проходили всё ближе и ближе: от густого, чёрного дыма, казалось, наступила ночь. Следовало поторапливаться или некому станет идти на помощь.

Я не зря упоминал, что не знаю, как сложилась бы моя судьба, если не полковой комиссар: он оказался талантливым командиром и организатором. Под его руководством каждый находился при деле. Сам он не только «горло рвал», активно помогал подчинённым. В будущем я всегда стану брать пример именно с этого человека – Байдукова Виктора Илларионовича! Люди с его должностью (политработники) остались в памяти, как в большинстве своём самодуры: лишний комсостав, упразднённый в 1942 – ом. Возможно – это и заслуженно, но явно не про нашего комиссара, настоящего бату! В танкисты он пришёл из кавалерии, от которой в память остались на лице россыпью полоски шрамов, человек среднего роста, довольно крепкого телосложения с широкими плечами (я удивлялся, как он в люк влезает так лихо?) и огромными ладонями – кулаки его, вероятно, можно было использовать вместо кувалды при натяжке гусеничной ленты! Многие избегали с ним здороваться за руку, знаете, какое могучее у Байдукова было рукопожатие? Сжимал твою ладонь так, что ты чуть под себя не ходил от боли. Я обычно ловко избегал его протянутой руки, проскакивая вбок: приобниму Илларионовича, по-товарищески так, хлопая по плечу. Спасибо ему, что в самый критический момент обратил на меня внимание и в короткий срок многому научил!

Мы приготовились к бою.

Каких только танков не вошло в наш состав: «Т-34», «КВ-1/2», «БТ», «Т-26», «Т-28», ещё пулемётные, плавающие танкетки «Т-38/40». Словом, кроме первых двух вышеуказанных машин, все оказались лёгкой добычей для врага – зажигалками или «братскими могилами» для отважных защитников нашей Родины в один из самых чёрных дней её истории.

Виктор Илларионович, механиком-водителем в свой радиный танк «Т-34» взял именно меня, спросив при этом:

– Ногами командовать стану, понимаешь, что это?

– Так точно!

– По машинам! – Громко крикнул он и через минуту несколько десятков советских танковых двигателей, взревев, повели броневые «кулаки» на помощь бойцам Красной Армии.

Меньше чем через полчаса я принял боевое крещение.

Глава 3. Война

По дороге к передовой, у меня невыносимая уверенность в себе пылала! решительность, смелость; думаю, – «Сейчас я вам гадам задам, всех на гусеницы накручу!» – Потом головной «БТ» вспыхнул, башня его в сторону слетела, я машинально свой люк захлопнул. Командир мне по правому плечу ногой – объезжаем горящего товарища; начал без приказа маневрировать, пытаться сквозь триплекс рассмотреть, откуда стрелял противник. Но здесь ещё больше злости прибавилось – отомстить за погибшего соотечественника! А когда нам в лоб первая болванка дала, сразу спеси поубавилось. Грохот стоял страшный, вибрация, словно ведро на голову тебе надели и по нему кувалдой ударили.

К счастью, не пробиты «шкуры»: попал снаряд напротив стрелка-радиста (срикошетил), его чуть окалиной от брони обдало, лицо поцарапало, он улыбнулся, кровь стёр, большой палец вверх показал, мол, – «Всё хорошо», – и принялся неизвестно куда поливать из курсового пулемёта.

Комиссар пнул по спине – делаю «короткую», там секунда-две максимум, а кажется, целая вечность. Я же понимал: мы шикарно стоим у фрицев в сетке прицела – отличная мишень! Наконец, выстрел – без команды рву танк вперёд – слышу или скорее чувствую, ликование позади себя в башне. Попали в цель – хорошо. Опять короткая – выстрел – вперёд, манёвр! Страх нет, начался азарт, главное, не идти по прямой и надолго не останавливаться. Всё ближе к стану врага, в борт чиркнуло снарядом – рикошет! Мы целы. По броне стучат пули и снаряды мелкокалиберных орудий. Метрах в пятидесяти от нас вижу пушку, приближаюсь, артиллерийский расчёт врага в стороны, стрелок косит их из курсового, ещё секунда, давлу гусеницами, пока в землю её вгонял, схватили ещё несколько снарядов по машине: в башню, лоб и борт. Выдержала «Тридцатьчетвёрка»! Вперёд!

Вышли к своей пехоте. Бойцы, заметив нас, приободрились, а когда мы проехали сквозь их ряды, солдаты устремились следом в атаку.

Наши танки уничтожили ключевые огневые точки противника и несколько бронемашин, немец побежал.

Мы ликовали, да рано. Слышно по внутренней связи плохо, комиссар пытался что-то крикнуть, так и не понял – ужасно работало ТПУ¹, тогда Илларионович спустился и, протянув руку, показал самолётчик... ясно – авиация противника.

Впереди небольшой лесок с пригорком: направляю машину туда... гитлеровцы уже пикируют. Двигатель на грани перегрева, а я ещё на всякий случай, рискуя мотором, заслонку закрыл (вообще, по правильному жалюзи называется, но я заслонкой всегда величал, по аналогии с печкой) – захлопнул полностью, потому как через открытые щели двигатель повредить может истребитель даже из пулемётно-пушечного вооружения.

Начали «Мессеры» нас поливать! Думаю, они понимали, что танк не пробьют, просто играли на нервах. Знаете, насколько оно омерзительно, когда ты на всей скорости летишь к спасительному лесу, а по твоей броне, словно град по стальной крыше, бьёт «мессер» пулями? Дрожь по спине, от ненависти зубы сжимаешь так, что они едва не ломаются...

Мы спаслись: успели доехать до гущи деревьев – повыскакивали из машины и за пригорок. Налёт завершился, обратно за рычаги и, всё по новой...

Я начал уставать, на «Т-34», особенно первых модификаций, передачи переключать – редчайшее «удовольствие»! Махнул «пассажиру» (так мы стрелка-радиста называли), подразумевая, – «Брось ты свой пулемёт, в кого стреляешь? Не видишь ни черта и не попадаешь

¹ Танковое переговорное устройство

всё равно, помогай мне с рычагами», – он понял, хорошо, а то правая рука стала плохо меня слушаться от перенапряжения.

Выхода из боя совсем не помню. Снаряды на исходе, топливо, масло и вода – тоже. Нам угрожало полное окружение, что-то нужно решать. Собрались на опушке леса, всего несколько уцелевших танков осталось... и те, порядком побитые. На моей машине столько вмятин и царапин – не сосчитать! Как броня выдержала, диву давались.

Из люка мне пехотинец выбираться помогал, так я вымотался. Вылез, упал возле гусеницы: тишина, в ушах звенит, всё тело ноет, соображаю плохо. Здесь медсестра подходит, под нос что-то суёт, говорит:

– Вам перевязку нужно сделать, товарищ младший лейтенант...

– Я младший воентехник. – Протерев лицо рукой, понял: оно у меня в крови, до этого думал, что пот стекает.

– Это был не вопрос и не просьба...

– Помогите лучше раненым, тем, кто нуждается больше.

– Верно говорит, ступайте, товарищ сержант! – спрыгнул с башни полковой комиссар, – ты орёл, воентех! Не ожидал. Как самочувствие? Откуда кровь?

– Не знаю, товарищ командир, может, окалиной полоснуло или ударился, если б не сестричка, даже не заметил! Думал, пот льёт.

– Пойдём, умоемся. Нас, весь экипаж, исполосовало – столько попаданий! Другим повезло гораздо меньше. Пошли, пока затишье.

На опушке собрались те, кому посчастливилось выйти из боя живыми: пехота, водители, сбитые или оставшиеся без самолётов (на земле сожгли) лётчики, артиллеристы с одинокой «Сорокапяткой»; медсёстры, со слезами на глазах перевязывали раненных; гражданские и мы, танкисты, коих после первого боя, осталось едва ли больше довоенной танковой роты.

Привели себя в порядок, по мере тех скудных возможностей, которые нам предоставлялись. Виктор Илларионович спросил меня:

– Как машина? Повоюем?

– Сложно сказать, – честно признался я, – сейчас посмотрю, но думаю недолго осталось. Нужна дозаправка, масло, вода... заводится только сжатым воздухом. Немудрено, сколько мы схватили снарядов?

– Нас окружают... нужно пробиваться к основным силам, вся надежда только на нас. Раненых сколько вокруг. Хорошо, ступай погляди наш танк и, если понадобится, помоги другим. Мы сейчас с теми командирами, кто остался, посоветуемся, как далее поступить.

– Есть!

Стрелок-радист занимался пулемётом.

– Максим! – протянул он промасленную ладонь.

– Гена. – Ответил я на рукопожатие.

– Лихо ты танком управляешься! Где научился так?

– В инспекции ГАБТУ...

– О-о-о... виноват, товарищ младший воентехник.

– Брось ты! – сплюнул я, ведь этот парень, которого знал немногим больше часа, казался теперь братом родным.

Мои опасения оправдались: танку без должного ухода и дозаправки воевать оставалось мало – масло, практически всё выгорело, осталось на доньшке.

– Извините, – вновь подошла та же медсестра, – разрешите вас всё-таки осмотреть, бинтов у нас не осталось, хоть продезинфицирую.

Оценил её взглядом. Она: юная, симпатичная, в форме не по размеру (больше) и выпачканным лицом, до боли напомнила мне любимую куклу сестры Люси. Я звонко засмеялся, Максим поддержал меня в этом – нервы! После боя психика так себя спасала.

– Ты прям замухрышка! – Хохоча, сказал ей.

Она слегка обиделась.

– Ой! На себя посмотрите, товарищи танкисты.

– Нам положено так! – Бравировал стрелок-радист, – есть грязные люди, есть очень грязные, а есть танкисты!

– Туши свет – бросай гранату! Взрослые мужики, бойцы великой Красной Армии, а ведёте себя, что дети малые. Спускайтесь сюда, я обязана вас осмотреть! – Приказным тоном посмотрела пигалица мне в глаза.

Хотел снова заупрямиться, но вернулся комиссар со словами:

– Дай ты ей уже себя потрогать! Не видишь, приглянулся девушке. Был бы я твоих лет, сам за ней бегал и просил о лечении. Эх ты! Мехвод от природы, а кавалер от рвоты!

Пришлось повиноваться, застыдил меня командир.

Сестричка принялась обрабатывать царапину на голове, ласково так: помажет обеззараживающей жидкостью и дует, чтобы не щипало мне, аккуратная попалась. Спрашивает:

– Больно, да?

– Нет. – Ответил тихо и честно.

– Врёте вы всё! – констатировала она и я не выдержал.

– Соблюдайте субординацию, товарищ сержант.

– Виновата, товарищ младший лейтенант.

– Младший воентехник! Говорил уже.

– Так точно, запомню, разрешите идти?

– Идите! – постарался я сделать голос пожестче, подражая Байдукову, – в вашей помощи нуждаются десятки бойцов.

Комиссар услышал наш разговор, усмехнулся и снисходительно упрекнул меня:

– Зачем ты так с ней? Молодая такая... а красивая какая? Понравился ей, а ты... сам ещё юн, не понимаешь, что случилось! Война началась, тут каждое приятное мгновение ценить нужно, ты запомни мои слова, боец. Пригодятся.

– Слушаюсь.

– Теперь серьёзно поговорим, прыгай в машину. – Махнул командир рукой и, повысив голос, добавил, – это касается всего экипажа.

Вчетвером забрались в танк, задраили люки, комиссар начал проводить совещание:

– Значит так, товарищи... всё, что скажу, строго между нами: нельзя сейчас разводить паникёрства. Ситуация складывается катастрофическая, немцы прут армадой, их много и, кажется, они повсюду. Разведка, точнее, что от неё осталось, недавно вернулись и сообщили полную картину. В это сложно поверить, но это так. У нас в запасе два, максимум три часа, пока мы не попали в плотное кольцо. Фашисты наступают стремительно, на своём пути встречают лишь небольшие очаги ожесточённого сопротивления. Замечены большие скопления бронетехники, пехоты; зверствует авиация противника и, самое неприятное, по нашей территории орудуют диверсанты, переодетые в советскую форму. Помимо диверсий, они дискредитируют бойцов Красной Армии среди населения: творят бесчинства в нашем обмундировании и говорят при этом на русском языке.

Виктор Илларионович замолчал, задумался. Я догадался, он хочет что-то предложить, только не знает, как это правильнее сделать, потому спросил:

– Есть предложения? Что нам нужно предпринять?

– Да, сынки. Мы посоветовались с командирами других частей, необходимо любой ценой не попасть в окружение и пробиваться к своим. Боеприпасов у всех кот наплакал, дать достойный бой такими силами мы не в состоянии. Поскольку на руках много раненых, в том числе и «тяжёлых», нужно обеспечить безопасность отступающим: прикрыть их, связав преследующего врага боем.

В танке повисла тишина, все прекрасно знали, что означают слова командира – это верная гибель.

Полковой комиссар не спеша продолжил:

– Не стану приказывать вам, дело добровольное: оставим в засаде один танк и несколько бойцов в качестве прикрытия от вражеской пехоты... разведчики уже вызвались добровольцами, готовы сесть десантом на броню, осталось найти танкистов.

– Разрешите мне? – Предложил я первым, чем заслужил гордую улыбку командира.

– Я тоже. – Крикнул заряжающий, слегка оглушённый после минувшего боя.

Максим помедлил с ответом, в итоге тоже решил остаться в танке.

– Молодцы, сынки! Молодцы... что ж, тогда я не имею права оставить вас одних, мой дорогой экипаж. Дадим этим чертям прикурить! А командиров у отступающих и без меня хватит. Руки прям чешутся, фашистам шеи намылить!

По-хорошему, такому человеку, как Байдуков Виктор Илларионович, стоило идти с отступающими – очень уж хороший он руководитель был, но-о... свой выбор комиссар принял осознанно. Честь и слава ему за это... как и тысячам другим, отважным командирам.

Когда остатки войск начали собираться: готовили к переносу раненых, устраивали переключки и т. д. случилась неприятность. С другой стороны, она нашему экипажу скорее оказалась на руку. Два вышедших с нами из боя танка «Т-34» не смогли завестись: у них обнаружили поломки, устранить которые без запчастей и в короткий срок не представлялось возможным. Я подозревал – это чистой воды саботаж: экипажи сами сломали машины. Не исключено, конечно, что случайно вышло, от неопытности, но скорее всего – сами. Побыв в танковом бою, особенно таком, через какой прошли мы, у многих начинается паническая боязнь повторения подобного, – «Лучше в пехоту, чем гореть в этой коробке!» – В сорок первом году и сорок втором, аналогичное приходилось слышать часто.

Мы сгрузили с обездвиженных «Тридцатьчетвёрок» боезапас себе, слили топливо – использовали всё по возможности, позже совершили их подрыв, чтобы танки не достались врагу.

Теперь можно дать достойный бой – с топливом и солидным боекомплектом. Мы должны, нет – обязаны выстоять, продержаться подольше, чтобы наши сумели уйти от немцев на достаточное расстояние, с обильным количеством раненных – это архисложная задача.

Комиссар со стрелком-радистом молча курили возле танка – последние минуты перед тем, как вновь отправиться в бой.

Ко мне подошла знакомая сестричка, стараясь улыбаться сквозь слёзы, спросила:

– Скажите, товарищ младший воентехник, как ваше имя?

– Гена, – по инерции протянул ей руку, она приняла жест.

– Мария... вы берегите себя, не погибайте понапрасну.

– Если приказываете, тогда – слушаюсь!

Экипаж всё слышал и громко засмеялся от моих слов.

– Прощайте, младший воентехник. Нет, до свидания. – Развернувшись, сестричка медленно пошла в противоположную от нас сторону.

Комиссар кивком подозвал меня к себе.

– Сынок, не могу я смотреть на это безобразие! Ты же сам знаешь, что нас ждёт?

– Так точно.

– Тогда слушай мою команду: догнать сержанта медицинской службы и поцеловать...

– Товарищ... – хотел я протестовать.

– Это приказ! Не обсуждается, минута на выполнение.

«Ай! И то правда, может, последний раз!» – Подумал я и, догнав Марию, развернул её и поцеловал в губы. Не так, как в фильмах показывают, просто – «пригубил». Она удивилась, посмотрела на меня ошарашенным взглядом и резко отчеканила:

– Дурак!

Улыбнулась и побежала к раненым.

А экипаж наш снова залился хохотом, звонче прежнего! Думаю, – «И пусть, зато сласть на губах осталась приятная, привкус стали перебивает», – до сих пор тот аромат после поцелуя помню.

Разведчики и несколько пехотинцев из добровольцев устроились на броне в качестве танкового десанта. По указанию их командира мы двинулись в наиболее подходящее место для вступления в бой.

«Тактика успеха танкового боя – бой из засады!» – мы решили это проверить на личном опыте.

Выбрав возвышенность, где густо росли высокие деревья и откуда дорога, на которой, по словам разведчиков, вскоре появится немецкая колонна – просматривалась замечательно. В запасе оставалось около десяти минут и я, выбравшись из танка, пробежался вдоль пригорка, где мы встали, чтобы иметь представление о местности, ведь придётся маневрировать – не с одной же позиции стрелять, когда танк заправлен и на ходу, верно?

С расположением повезло – лучше не придумаешь! Слово родная природа нам помогла. Разведчики рассредоточились и замаскировались чуть поодаль нас, так, чтобы результативнее вести прицельный огонь по пехоте противника и, в непредвиденном случае отсекать её от нас, если группа немцев-смельчаков задумает обойти танк с фланга.

Мы застыли в ожидании колонны – смертельного боя...

– Ты сынок, – обратился Виктор Илларионович ко мне, – команды не жди, сам следи за боем, я увлечусь стрельбой могу, тогда все погибнем. Поймёшь, что стоит менять позицию, смело действуй, без приказа.

– Есть.

Наконец, из-за отдалённого поворота выполз немецкий танк, головной в колонне; за ним ещё, ещё и ещё. Наблюдение за медленно тянущимся противником сильно щекотало нервы, я в очередной раз убедился в опытности нашего командира: он хладнокровно ждал, пока многочисленный враг растянется на дороге полностью.

«Жалко, с места механика-водителя огонь вести нельзя», – сожалел я тогда, а то бы вдавил по ним! Если б находился в танке один, думаю, не сдержался и ринулся навстречу фашистам, уничтожить их тараном, погиб бы только быстро...

Слышу, заряжающий послал снаряд в казённый пушки, несколько секунд – выстрел! Боевое отделение наполняется пороховыми газами, запускаю двигатель, продолжая наблюдать за сражением. Комиссар действовал по всем правилам боя из засады: сначала поджёт головную машину, затем замыкающую, после стал «избивать» остальных. Главное, стрелял он метко – без единого промаха!

Враг не сразу понял, откуда именно по нему ведётся огонь, они отстреливались наугад, но немец вояка опытный! Вычислили скоро и принялись вспахивать снарядами землю возле нас, я понял – пора покидать позицию, вот тогда началась настоящая карусель. Я резко назад, место поменяю – командир стреляет – снова ухажу! Таким образом, мы смогли ввести противника в заблуждение, гансы подумали, что нас много. Атаковать не решались, а отступить им никто не дал! Раздолбали вражескую колонну. Сколько там танков и машин пришлось на наш ствол, не знаю: около десятка, думаю, точно.

Радоваться оказалось преждевременно – по нам вызвали артобстрел... весьма плотный, из дальнобойных орудий. Пришлось тикать, но... получили мы свой снаряд, да очень мерзко:

сверху он упал как раз под прямым углом в лобовой лист, сведя на нет преимущества наклонной брони – прошил насквозь «пассажира» и задел заряжающего.

Остальное плохо помню: мотор заглох, я рефлекторно запустил двигатель сжатым воздухом и из последних сил погнал «Тридцатьчетвёрку» назад, туда, откуда мы приехали. Спустился по крутому спуску и, стараясь заезжать за естественные укрытия, вышел из боя, всё... темнота – я «отключился».

Таким для меня выдался начальный день войны, боевое крещение, первая горечь утрат и первый раз, когда подбили.

С другой стороны, если б в тот день нашу «Тридцатьчетвёрку» не прошил снаряд немецкой артиллерии, я скорее всего бы погиб. Ведь всего в двадцати-тридцати километрах от места, где мы устроили засаду на фашистскую колонну, через три дня состоялось одно из самых страшных для наших танковых войск сражение – это бой под Дубно; если точнее: битва в треугольнике «Луцк – Броды – Дубно». Крупнее того события (в танковом смысле) станут только бои на «Курской Дуге», легендарной «Битве под Прохоровкой».

Знаете, когда стал приходить в себя, сначала появилось такое предательское, обманное чувство: словно я нахожусь дома, мать возится у печки, сестрёнка капризничает, отец собирается на службу. У меня есть запас времени, не стоит торопиться вставать, можно подождать, пока накроют на стол и только тогда придут будить.

Открыв глаза, не сразу понял, где нахожусь. Первое, на чём заострил внимание – широкая улыбка комиссара.

– Живой? Слава партии!

Понял, что нахожусь в поезде, в до отказа набитом вагоне бегущими от войны людьми.

Всё тело болело, постарался повернуть голову, остановила резкая боль. Услышал нежный, женский голос:

– Тихо-тихо! Лежите, вы сейчас в безопасности.

Пересилив себя, поднял глаза и обнаружил: моя голова лежит на коленях у медсестры, той, с которой познакомился перед боем.

– Опять ты?! – Удивился я.

– Судьба, – засмеялся Виктор Илларионович, – благодарю её, она с тобой тут возится, как с генералом!

– Что случилось? – Перевёл я взгляд на комиссара.

– Нас подбили. – Нахмурившись, ответил он и, достав папиросу, продолжил, – стрелок-радист и заряжающий погибли... нам повезло. Ты молодец, успел горящий танк от обстрела в безопасное место отогнать, как только сил хватило? Я после попадания снаряда рухнул на боеукладку и темнота. Это разведчики, что с нами остались, вытащили нас в последний момент, потом машина взорвалась. Дальше, с нами на руках, бойцы сумели нагнать отступающих, вот мы и здесь. Я быстро в себя пришёл, а ты в бреду оставался долго... очнёшься и в горячку, говорю же: Марии спасибо скажи, выходила.

– Благодарю вас, – прошептал я, – у меня всё на месте? Руки-ноги?

– Да, у вас небольшая контузия и переутомление, – не переставала нежно поглаживать мою голову сестричка.

– Какой сегодня день? Где мы?!

– 26 – ое июня, – ответил комиссар, щурясь от попавшего табачного дыма в глаза, – подъезжаем к Москве, успели эвакуироваться. Меня командование ждёт, тебя я с собой решил взять. Ободришься слегка, тогда поговорим подробней. Авансом спрошу: согласишься под моим командованием служить, а? – Илларионович тронул меня за плечо.

– Конечно. – Поморщился я от резко стрельнувшей боли, – ещё спрашиваете.

– Это хорошо... сестричку вот, с собой возьмём, славная она.

Я посмотрел на Марию и снова до этого момента незнакомое чувство поразило меня, – захотелось сильно прижаться к ней, обнять, без всяких глупостей и разврата, а просто пожалиться: словно маленький котёнок, что ищет укрытия от яркого света, за пазуху бы к ней залез тогда. Она что-то почувствовала и обхватила мою голову руками – через секунды я снова заснул.

Когда очнулся, поджидал очередной сюрприз: рядом с нами оказался ещё один человек, на первый взгляд, незнакомый. Бросилась в глаза его нарукавная нашивка – эмблема НКВД.

– Здравствуй, Гена, – поздоровался он, – где бы мы ещё с тобой встретились, да?

Только сейчас узнал его – начальник моего отца!

– Здравия желаю! Вы как здесь?

– Так же, как и ты! – Лукаво улыбнулся он и я догадался, что тот мне помог, а чем, пока не знаю. Вероятно, именно благодаря ему, мне посчастливилось ехать в поезде, а не лежать в полевом госпитале или хуже того, находиться в плену.

– Как батя, не знаете?

– Хорошо... думаю, что хорошо. Завтра вечером должны с ним увидеться, передать что?

– Сами решите. Скажите ему: «жив-здоров – рвусь в бой!»

– Так и передам. Отдыхай и, – наклонился к моему уху, – держись комиссара, не пропадёшь, я его хорошо знаю.

К вечеру сумел оклематься: начал ходить, единственное, голова временами кружилась. На одной из станций Виктор Илларионович отозвал меня в сторонку от поезда и начал разговор:

– Спрошу прямо: воевать с фашистами желаешь?

– Спрашиваете! – Сжал я кулаки.

– Не испугаешься? После пережитого и снова под броню? Это многих ломает...

– Никак нет!

– Обстановка по-прежнему катастрофическая, немец наступает огромными темпами, товарищи не выдерживают. Между нами говоря, боюсь, что они до Московской области доберутся. Придётся столицу защищать, не жалея жизней. Танковую бригаду мне должны дать, что ты ко мне пойдёшь служить, я понял, вопрос в другом.

– В чём?

– С твоей специальностью тебя загребут либо на завод, либо в танковую школу и, поверь моему опыту – войны тебе не видать, как своих ушей! Только тыл, причём глубокий.

– Не хочу так! – Запротестовал я.

– Кто спрашивать станет, твоих пожеланий? Тем более война! Предлагаю следующее: зачисляем тебя ко мне в бригаду, но не в качестве техника, как механика-водителя или командира танка, правда, с понижением пока придётся... ты же равен младшему лейтенанту, а станешь сержантом...

– Согласен! – без колебаний ответил я, приняв стойку «Смирно».

– С твоими навыками ты быстро пробежишь по служебной лестнице, не переживай.

– Простите, товарищ комиссар, вы понимаете, что нас с вами за такое могут крепко наказать?

– Дальше передовой не пошлют! Разберёмся.

Паровоз дал гудки, означавшие скорую отправку и мы поторопились назад.

– Скажите, товарищ комиссар, тот старший майор госбезопасности, он мне чем-то помог?

– И тебе, и мне, и сестричке нашей.

– Ей чем?!

– Пожалел я её, пропала бы она там. Если в руки к немцам попала, представляешь, что они бы с ней сделали? Дитя совсем... чекиста этого хорошо знаю, обратился к нему за помо-

щью, а он, когда тебя увидел, нас же вместе несли, сказал: «Это сын моего друга, бери его с собой, тогда помогу с Москвой решить вопрос!» – под это дело ему и говорю: контузило Геннадия, вот медсестра рядом, его невеста, ухаживает за ним, разрешите с собой взять?

– И он что? – Не очень я обрадовался, что Марию представили моей невестой, ведь эта новость дойдёт до отца, потом до матери и объяснений предстоит тысяча.

– Раз невеста, говорит, тогда берём и её.

Незамысловатым образом осуществилась моя мечта: я перевёлся из технического состава в танкисты. Правда, с понижением в звании, но началась война – кто тогда из честных комсомольцев и коммунистов думал о карьере? Главная задача для нас – Родину защищать! О погонах, после Победы станем печалиться.

Глава 4. Столица

В Москве, за которую нам вскоре выпадет яростно сражаться, я оказался впервые.

Война началась недавно, она пока не затронула красот столицы, особого шарма города: люди, в большинстве не подверглись панике, переживаниям; они думали – стоит немного подождать, да погоним немцев в шею.

Город не успел подвергнуться массированным бомбардировкам врага, оттого не соблюдалась ночами светомаскировка, поводов для тревоги в Белокаменной немцы пока не преподнесли. Конечно, кто побывал в боях, понимал: действительное положение дел иное, впереди предстоят тяжёлые времена.

Не помню, чтобы в жизни мне когда-то становилось так стыдно за свой внешний вид! Представьте: опрятные, порядочные люди кругом, а я иду по его древним улицам словно последний оборванец, после боя же не переодевался – не имелось запасного обмундирования. Разумеется, в поезде по мере скромных возможностей привёл себя в порядок, только это мало спасало: вымазанный, рваный и оттого, казалось, неряшливый.

К счастью, пребывал в «унизительном» виде недолго: Виктор Илларионович отвёл на вещевой склад, где договорился о выдаче нам новой формы (он тоже не имел возможности сменить её ранее). Дело оставалось за малым: снять с испорченного обмундирования знаки различия и перешить их на новое. Официально я ещё оставался младшим воентехником.

Не успел начать заниматься одеждой и привести себя в должный вид, чтобы показаться перед начальством с комиссаром, как перед глазами появилась наша медсестричка... Байдуков, увидев её, рассердился:

– Сержант! Что вы здесь делаете?! – Повышенным тоном спросил он, – вы, где должны сейчас находиться? Почему самовольно покинули вагон?

Девушка замялась, долго подбирала слова для ответа, виновато рассматривая дырки в полу.

– Извините, товарищ комиссар. Разрешите мне поехать с вами. Я слышала часть вашего с товарищем воентехником разговора и хочу обратно на фронт, в составе вашей бригады. Поверьте, я хороший специалист... смелая и сильная. Не смотрите, что небольшая – это только на вид. Возьмите, не подведу!

– С ума сошла? – Перешёл командир на снисходительную, насмешливую форму крика, – это же дезертирство! Сейчас военное время, знаешь, что с тобой могут сделать, пигалица?

– Я ведь не домой сбежала, обратно на войну... подсобите.

Дело в том, что с передовой до Москвы комиссар ей помог выехать, но в поезде случилась неприятная ситуация: встретили там «медицинское» начальство и Марии предстояло дальше следовать с ними, куда направят. Она же рассчитывала, что Байдуков её с собой возьмёт (тем более он говорил про это). Теперь, покинув вагон, сестричка, получается, дезертировала – это в военное время! Могли под трибунал легко отправить, не посмотрели бы, что девочка.

Комиссар вопросительно посмотрел на меня. Я, конечно, пожалел спасительницу. Догадывался, откуда у Маши такой порыв и почему она от нас не отстаёт... чем помочь ей, правда, не знал. Поэтому на выжидающий взгляд старшего товарища, пожал плечами, мол, – «Вы командир, вам решать!»

– Вот холера мелкая! – Смягчил Илларионович тон, – у меня и бригады пока нет, а туда уже просятся. Ладно, ступай пока с нами, к себе взять не обещаю, у тебя другое командование, но от трибунала, так и быть, спасу. Смотри, чтоб всем нашим бойцам на фронте лучшую медпомощь оказывала!

– Слушаюсь! – расплылась в улыбке девушка, вновь напомнив мне куклу.

В том, что командир её пока оставил рядом, оказалась и моя, «корыстная» выгода – не пришлось самому пришивать петлицы, нарукавники и прочее...

Несмотря на внешнее спокойствие города среди населения, в штабе, куда меня привёл комиссар, творилась полная неразбериха: все суетились, постоянно звонили телефоны; крики, беготня, одним словом – ужас! Страшно представить, что в тот момент творилось в Кремле.

Мария ждала нас в коридоре. Решив вопрос касаемый моего перевода, Байдуков отпустил к ней, с наставлением:

– Сынок, пойдись с красавицей погуляй по городу, только не заблудись. Видишь, тянется она за тобой. Честное слово – завидую! Главное, не робей, не позорь танкистов! Может, больше не представится возможности отдохнуть по-человечески, война нам предстоит сложная с тобой... ступай, бумагу вам сейчас выпишут. К восемнадцати ноль-ноль жду обоих здесь. Мы вдвоём переночуем у моего боевого товарища по Испании, а Машку твою постараюсь куда-нибудь пристроить.

Не знаю, где она умудрилась, но, когда я вернулся в коридор к медсестре, та сильно преобразилась: привела себя в порядок, стала опрятной, чистой, причёсанной. От удивления невольно сделал ей комплимент и предложил пройтись по городу, она с радостью согласилась.

Беззаботно прогуливались с Латышевой (фамилию узнал только в штабе) по парку, катались на трамвае; ходили вдоль реки. Казалось бы, расслабься и получай удовольствие: здесь не видно ужасов агрессии немцев, сюда это не докатилось и, даст бог, никогда не докатится, ан нет! Не мог отвлечь мысли от боёв... чувствовал себя проигравшим, если не униженным, ведь наш танк сожгли, товарищей убили, а я с подружкой прохлаждаюсь... моё место на фронте! Какое право я имею в эти сложные минуты для страны находиться в тылу?!

Мария, девушкой оказалась хорошей: как внешне, так и в беседе. То, что её тянет ко мне, чересчур бросалось в глаза. Конечно, я и раньше пользовался успехом среди слабого пола, но, чтобы так за мной кто-то ударялся, как пчёлы на мёд, ни разу не случилось. Чем я только её чувства задел? Возможно, она сама не до конца понимала, в чём дело и почему ей необходимо моё общество. Признаюсь – это льстило! По молодости оно всегда приятно, если в тебя влюбляются... особенно такие красивые медсёстры.

– Вы такой странный! – Осмелилась она на волнующий разговор, – я привыкла, что ко мне мужчины пристают, тем более в госпитале – там спасу нет от них. Флиртуют, заигрывают, делают комплименты и подарки. Посobie могу написать по тому, как таким правильно отказать, чтобы отстали и не обиделись! Тут сама к вам подхожу, первая вступаю в разговор, а вы меня словно сторонитесь... совсем не нравлюсь, да? Скажите честно, как будущий коммунист!

Что ей ответить? Война началась, познакомился с ней после первого боя, когда вся жизнь вмиг переменялась... тогда и речи не могло идти о мыслях про сердечные дела – не самое подходящее время. И потом, я тогда был слишком молод – малахольный! парень, прекрасно помнящий наставление матери по этому поводу и не желающий влюбляться или сколь немного привязываться к кому-нибудь из девчат.

– Понимаешь, сестрёнка, на нашу страну напали. И кроме того, как поскорее снова вступить в бой с проклятыми фашистами, я думать ни о чём больше не могу! Дом почти не вспоминаю, хотя следует. Нравишься, очень, только не время...

– Именно таких слов я ожидала услышать...

– Это правда.

Мы остановились у пустующей пристани.

– Знаю, – положила молодая руки на мои плечи, – я тоже рвусь туда. Раз война и скоро в бой, из которого мы можем не вернуться, сделайте как в тот раз, когда вы собирались уезжать обеспечивать отход раненых.

Я молча отвернулся в сторону и посмотрел вдаль.

– Или, вам необходим приказ комиссара, чтобы поцеловать девушку? – Поддела она моё тщеславие, зная, на что нужно надавить.

– Вот ещё! – Возмутился я и слегка поцеловал её. Правда, война... вдруг этот раз последний?

Оторвавшись от её губ, посмотрел девочке в глаза и не смог удержаться от смеха.

Маша, невысокого роста, со светлыми волосами, стриженными чуть ниже плеча, пронзительными голубыми глазками просто один в один, как злосчастная детская кукла Люси, такие тогда в Польше делали или Чехии, дорогие и редкие – жуть! Отец по большому благу раздобыл, да на пятилетие сестрёнке подарил.

– Что опять не так? – Возмутилась Латышева.

– Кукла ты, как у моей сестры, точь-в-точь! Её не по твоей натуре делали?

– Дурак! – Наивно нахмурилась девушка.

Тогда, между нами – это случился просто поцелуй, чуть больше, чем дружеский: яркий, волнующий и запоминающийся, но, никаких отношений им мы не начинали, не скрепляли; всё-таки оба люди военные, понимали сложившуюся ситуацию без слов.

Вернулись к комиссару в обозначенное время.

Меня Байдуков обрадовал новостью, что утром отбываем к месту дальнейшей службы, где ему обещана свежая механизированная бригада со смешанным вооружением (разные по типу танки и прочая техника) и подготовленными людьми. Марию же отчасти Виктор Илларионович разочаровал! Конечно, от трибунала и ярлыка «дезертир» он её спас, но на фронт взять тоже не мог – не группу артистов, в конце концов, возглавлял! Тем не менее выбил Латышевой направление на службу в госпиталь, к которому предположительно наша бригада должна находиться в непосредственной близости. Возможно, со временем, девушка сможет перевестись к нам, и на том спасибо! Он и так сделал слишком много для нас.

Ночевать вместе с собой медсестру, понятно, не взяли (мне хотелось), – «Не положено», – сказал комиссар. Командир устроил её в женское общежитие до момента отбытия в госпиталь согласно предписанию (вечером следующего дня).

Боевой товарищ Виктора Илларионовича, однорукий майор, получивший своё тяжёлое ранение в боях у озера Хасан, принял нас очень радушно. Проживал он один, не заладилась с семьёй у танкиста: когда был на службе, всё время посвящал ей, а комиссовали, сильно приложился к бутылке... здесь ни о какой личной жизни речи идти не могло.

Мне очень хотелось послушать воспоминания боевых командиров, возможно, услышать полезное для себя, что могло бы пригодиться в предстоящих сражениях с фашистами... не вышло. Очень хотелось спать, сказывалась контузия, я с трудом смог закончить ужин и добраться до постели, не то что, сидеть до глубокой ночи с ветеранами Испании (майор и у озера Хасан отличился). Тем более они выпивали, а я тогда к водке и любому другому алкоголю относился отрицательно.

Зато ранним утром, в отличие от комиссара я поднялся бодрым, отдохнувшим, с отсутствующими симптомами похмелья и полностью готовым к нелёгкому дню. Чего нельзя сказать про Виктора Илларионовича...

В ту ночь мне снились яркие, реалистичные сны: ожесточённый танковый бой; несколько раз подпрыгивал на кровати, когда грезилось, словно попал по мне вражеский снаряд. Ближе к рассвету начала всплывать Мария: словно гуляем с ней по парку, а война закончилась. Проснулся с чувством окрыления... знаете, после впечатлительного сновидения всегда осадок остаётся на душе приятный. Стал гнать от себя подобные мысли прочь – категорически не хотелось привязываться к этой девчужке и тем более, не приведи господь, влюбиться в неё!

Хозяин, предоставивший приют на ночь, провожал нас со скупыми, мужскими слезами на глазах – он тоже рвался на войну; хотел бить врага, но... куда ему с одной рукой? На прошения отправить его на фронт, всегда получал отказ. Стоит ради чести майора сказать: он сумел собраться с духом, не спиться и стать полезным Родине – восстановился в звании и служил весьма хорошим специалистом в одном из военных училищ ускоренных выпусков танкистов.

На вокзале оказалось людно: столько прощальных слёз, криков расставания. Солдаты храбрились, убеждая своих близких, что быстро разобьют гитлеровскую армию и вернутся, – «Вы родные и соскучиться не успеете, а я дома окажусь рядом с вами!» – летали фразы по перрону. Естественно, из всех возвратятся скудные единицы...

Пришла проводить нас и медсестричка. Тихонько так захныкала, я обнял её словно старший брат, произнёс утешительные слова, она пообещала, что обязательно найдёт меня и мы продолжим служить вместе. Призналась, как дорог я ей...

Попросила дать почтовый адрес своего подразделения, чтобы переписываться, а как я его ей дам?! когда сам толком не знаю, куда именно едем и где предстоит служить. Нацарапал на картонке свой домашний адрес, сказал, если что, пусть пишет матери, та точно должна знать, где я и хорошо ли всё со мной.

Честно? Стало очень приятно оттого, что Мария пришла проводить меня. Благодарен ей за это! С другой стороны, тоска в душе поселилась от прощания, ком к горлу подкатил, словно я правда с невестой расставался, как другие сотни бойцов Красной Армии на том вокзале.

– Бог любит троицу? – Спросила она, смахнув с глаз слезу.

– Что за слова? Это буржуазные пережитки, суеверия. Ты мне это отставить!

– Есть! – приняла она стойку смиренно, а после резко прижалась и чмокнула меня в губы. Смелая девица, дерзкая.

Поезд тронулся: махнул Латышевой пилоткой, она крикнула, что мы обязательно встретимся. Прямо как в знаменитой военной песне, написанной примерно в то же самое время:

«Я из вагона – ты мне с перрона грустно помашешь рукой».

– Хорошая дивчина! – сказал комиссар, прикуривая неизвестно какую папиросу подряд, – не сомневаюсь, что найдёт тебя. Если, – он недоговорил... так понятно, что имелось в виду.

– Не время сейчас про это думать. – Упорно стоял я на своём.

– Попомнишь мои слова: коли живы-здоровы будете, она женой твоей станет.

Я закашлялся от его вывода.

– Почему вы так думаете?

– Знаю! Поверь Генка, мой боевой друг, на слово.

«Эх, Москва! Не пробыл у тебя в гостях и суток, а прощаться с тобой тошно!» – Подумал я при выезде за пределы столицы.

Тогда я не догадывался: сколько предстоит вынести сложных испытаний ради защиты этого города.

Паровоз наш задержался почти на трое суток до места назначения.

Железная дорога оказалась предельно перегруженной: военные составы пропускали вперёд, без очереди – это правильно! Несколько раз попадали под бомбардировки противника. Самолёты люфтваффе зверствовали, сбрасывая тонны смерти без разбору на всех и вся, им же наплевать: гражданские поезда, военные или санитарные, для них мы были «Унтерменши», – народ, который почти поголовно подлежал уничтожению, согласно плану «Ост».

Редко, когда один или несколько наших истребителей вступали в бой с превосходящими силами противника, ведь на начальном этапе войны в небе господствовали асы Геринга! Тяжело пришлось тогда нашей авиации, собственно, как и всем войскам – всему, Великому Советскому Народу!..

В вагоне играла гармонь и сильный, солдатский голос потянул ту легендарную песню, написанную в первые дни войны:

*«Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война*

*Война началась на рассвете
Чтоб больше народу убить.
Спали родители, спали их дети
Когда стали Киев бомбить».*

Глава 5. Засада

Железная дорога вела наш поезд в БССР, под Витебск.

Кругом все отступают: колонны и эшелоны, которым не виделось конца, двигались в тыл; люди спасались, с молниеносно тающей надеждой вскоре вернуться, ведь, – «Наша армия сейчас „оклемаётся“ от вероломного нападения и погонит врага!» – А мы... мы, напротив, ехали вперёд. Туда, где немец стремительно наступал... куда деваться? Именно каждые отдельно взятые и собранные вместе бойцы являлись теми войсками, кто не должен пропустить фашистов вглубь страны. Защитники отечества постоянно ловили на себе тысячи взглядов, в которых отражались: грусть, гордость и вера в Красную Армию одновременно.

Стоит отметить, что во времена перестройки, обострялось внимание на то, как мы драпали в сорок первом, какие глупые потери несли... а вот о громадной эвакуации, организованной правительством, старательно умалчивали.

Какой стране ещё под силу было повернуть подобное?! Предприятия-гиганты, оборудование, документацию и специалистов вывезти под носом у фрицев и передислоцировать в далёкий тыл СССР, чтобы в фантастический срок возобновить выпуск всего необходимого для фронта. Никому и никогда такое не удавалось!

Действительно, в первые дни боёв, партия не хотела осознавать катастрофичности положения, и массовая эвакуация началась не сразу: что-то успели лишь взорвать, уничтожить; многое досталось нацистам, в том числе и люди... отсюда феноменальное количество пленных...

Вскоре начал витать в воздухе призыв, с которым мы пройдем тяжёлую войну – «Всё для фронта – всё для Победы!»

Из-за проклятых «Юнкеров» и «Мессеров», постоянно висящих над головой, запомнил я те дни мало. Когда окунаюсь в воспоминания, сразу: рёв самолётов, свист и взрывы! Представляете, у этих гадов на «Лаптёжниках» (так мы прозвали Ю-87) помимо бомб подвешивались специальные сирены, которые визжали при пикировании, таким образом, они сеяли панику среди людей. Видел в трофейной хронике, как фашистский лётчик держит штурвал одной рукой, а с другой ест шоколадку и смеётся – это при бомбардировке... зачастую мирного населения. Вот когда вздумается вам строчить пьесы о «хороших немцах» (об этом далее поговорим), посмотрите подобные кадры.

Отчётливо помню строгую дисциплину среди отступающих частей РККА. Доходило до абсурда! Вообразите, курсантам, в спешке отступившим от приграничных сражений, сутками голодающим и без сна, запрещалось брать еду у гражданского населения. Вплоть до того, что, проходя мимо забора со свисающими через него алыми вишенками или ранними яблочками, нельзя было сорвать и одной! Приравнивалось к мародёрству. Сейчас, в мирное время кажется предельной глупостью, а тогда правильно всё делалось.

Не должен наш воин опорочить себя тем, чтобы вместо защиты народа – объедать его! Знаете, насколько стыдно отступающим солдатам становилось, когда на них с укором смотрели и взглядом вопрошали, – «На кого вы нас оставляете, родненькие?!» – аппетит у человека с честью или хотя бы совестью, пропадал напрочь. Хорошо это показано в фильме Сергея Бондарчука с Василием Шукшиным – «Они сражались за Родину», где солдат пошёл ведро просить у старушки, раков наварить.

Из-за этого, отдельной болью в сердце отдаётся то, что наши ребята, падая от недоедания с ног, слушались приказа и старались не опозориться перед своими согражданами, а нашлись-таки подонки, кто это сделал вместо них! Я не о мародёрах и мелких воришках, те всегда были есть и будут, при любом несчастье – падальщики, одним словом, что с них взять? Я говорю о «Бранденбурге – 800», немецких диверсантах. Ох и попили они нашей кровушки в начале

войны... и на её протяжении тоже. Эти «мудрецы», немалую часть которых составляла наша же эмиграция, т.е. люди русские, что, – «Воевали не с народом, а с большевиками», – переодевались в советскую форму и творили в ней бесчинства. Они же специально дискредитировали бойцов Красной Армии в глазах населения. Диверсанты, немаловажный фактор наших неудач в сорок первом.

Сколько линий связи вырезали, складов на воздух подняли и внесли различной дезинформации; а втираясь в доверие, мол, – «Мы свои из окружения прорываемся с боями», – перебили ребят из-за спины? Никто не сосчитает! Сегодня – это опускается из виду, приписывается всё нашим солдатам, – «Вот большевики зверствовали! Резали своих, насиловали, а немцы добрые, пришли освобождать!» – Нет. Всё фашисты творили, в нашей форме! Помните, если вам насаждают подобную мысль, что красные воины плохие, а немцы «солдаты чести» – это эхо из прошлого говорит – эхо доктора Геббельса. Его пропаганда в перестройку ходила, его-о...

Так что, следователям НКВД, до появления СМЕРШа тяжело приходилось... выявлять этих подонков! А их очень много разгуливало в нашем тылу и на передовой. И после войны этот «Бранденбург – 800» вылавливали. Не одни же немцы заинтересованы в своих шпионах среди советских людей были – много кто!

Танкист, Дмитрий Лоза, он на «иномарках»² воевал, вспоминал, как его после войны дёртали к особистам, подтвердить показания однополчанина... знаете, чем обернулось? А тот гад на немцев работал. Когда попал в плен, его завербовали. Он рассчитывал, что свидетели его перебега к врагу погибли в бою и просчитался. Предателя уже после войны отправили обратно в Союз с «легендой» и заданием: просто устроиться на предприятие и работать честно, передовиком, ждать дальнейших указаний. Ладно, к этой теме по ходу рассказа ещё обратимся, не станем к политике возвращаться.

По пути в Витебск застали разбомблённый состав с танками, из нескольких десятков, сохранилось машин пять.

Снова комиссар проявил себя с лучшей стороны и сумел договориться со станцией (и высшим начальством) чтобы уцелевшая техника отправилась на фронт с нами, в качестве пополнения – всё равно пропадать! Проблема возникла с рабочими, слишком мало рук осталось свободных, а делов много. Нам солдатики помогали свободные и гражданские.

К своей великой радости, я встретил двух ребят: учились вместе, тоже техники. Они, увидев на мне петлицы сержанта танковых войск, удивились:

– Никак разжаловали?! – Потрогал мой воротничок Ваня, рыжий, щуплый и талантливый в моторах парень, – за что? Ты самый дисциплинированный из нас.

– Сплюнь, – убрал его руку, – нет! Сам согласился на перевод с понижением, чтобы не техником оставаться, а в танкисты попасть. Всегда мечтал... здесь, такой шанс – грех отказываться. Карьерой, после войны станем заниматься.

– Командир ваш говорил, ты в боях участвовал с фашистами? – С нотками зависти и уважением поинтересовался Арсений Громченко: неплохой техник, но жутко безалаберный, при работе обязательно терял какой-нибудь инструмент, бросал где попало и забывал потом.

– Немного, – отвечаю, стараясь скрыть гордость, – в роли мехвода «Т—34».

– Хороша она в атаке?! – Дуэтом завопили парни, – правда, что немецкое оружие её не берёт?!

– Что вам сказать... танки их против нас – гадость! Но если руки не из того места у экипажа растут, могут и подбить. Не мне вам рассказывать, что необученный человек для техники хуже любого снаряда – сам угробит!

– Это верно.

² Танки, полученные от союзников по ленд-лизу.

– Хороши наши танки, спору нет! – Гордо выправился я, заметив подходящего комиссара, а потому, нарочно повысил голос, чтоб тот услышал, – только... необходимо знать слабые и сильные стороны, как своих машин, так и противника. На фронте научитесь!

Виктор Илларионович продемонстрировал мне часы и жестом указал, что на прощание с товарищами осталось пять минут, я кивнул, – «Понял!»

Приятели начали уговаривать, чтобы взяли их с собой на фронт.

– Не хотим в войну техниками драться... хоть бы как ты, с понижением! Замолови словечко за нас командиру. Ты знаешь, мы свои люди, вместе больше толку от нас выйдет!

– Сложно будет... попробую. Ждите.

Действительно, техником мало кто хотел в войну служить, что в танках, что в авиации – везде! А это герои, оставшиеся в тени тех, чьё оружие готовят к бою – все лавры доставались непосредственно воюющим. Считаю – это несправедливо.

Уговорить комиссара не вышло, кругом творилась полная неразбериха. Тем не менее Арсений отправился с нами, только по своим прямым, должностным обязанностям. Не знаю, чем тот исхитрился, он тогда перед отправкой шепнул мне:

– Договорился, поеду с вами «обслужой», авось дальше смогу в механики-водители выбраться! На фронте всё проще.

Ивана же (рыжего) я больше никогда не встречал, не знаю ничего о его дальнейшей судьбе.

Пока наш эшелон не отправился, мы со свободными железнодорожниками и солдатами-помощниками успели снять некоторые необходимые запчасти (что уцелели чудом) с разбитых бомбами танков – ох, сделали это не зря!

Наконец, прибыли в расположение бригады.

Комиссар, точнее, теперь полковник – он сменил в Москве «род войск» и одел вместо «политических», армейские погоны, приняв управление танковой бригадой, а меня определил мехводом. Я первым (и единственным) оказался в составе своего экипажа, путаница ведь с кадрами, но Илларионович дал мне право выбирать кого пожелаю к себе в машину, в том числе и командира-наводчика.

«Бригада» – это громко сказано! Не так я себе её представлял. Вместо стройных рядов новеньких блестящих танков, выстроенных по трассировке, да гладко выбритых, опрятных, главное, обученных бойцов с командирами, перед нашими глазами предстала характерная картина для первых дней войны. Смешанные машины, немного «КВ» и «Т-34», остальные: «БТ», «Т-26», «Т-28»; пулемётные танкетки «Т-37/38» и броневые автомобили. Бойцы чумазы, часть из них в грязных, с запёкшейся на солнце кровью бинтах; голодные, уставшие и заросшие. Смотреть страшно! Им же в госпиталь прямая дорога, а после него в санаторий недели на три, а не в бой! Но собрали то, что осталось. К нам ещё два сбитых лётчика пристали, мы их всё гнали, – «Идите в небо! Вгоняйте в землю стервятников гитлеровских, в танках и пехоте справимся без вас!» – глупости, конечно, куда бы они пошли, когда немец рядом, а если и добрались до частей, на чём там летать?! Авиация практически уничтоженной оказалась в приграничных зонах.

Хорошо, что прибывшие с нами эшелонном люди были «свежими»: не ранеными, не истощёнными, правда, у меня порой голова покруживалась. Я не говорил никому, в госпиталь загреметь боялся или того хуже – стать обузой, а не достойным воином Родины!

Мне комиссар (полковник), помимо выбора экипажа предложил вместо «Тридцатьчетвёрки» взять на себя вождение и уход за тяжёлым «КВ».

– Ты знаешь толк в обоих танках. Садись на «Клима», броня – во! – Поднял он вверх большой палец своего огромного кулака, – шансы уцелеть поднимаются в разы!

– Нет, спасибо, – отказался я, – «КВ» отличная машина, только я резкость люблю, скорость! «Т-34» – это продолжение моего тела. На нём справлюсь!

– Ох и упрямец! – Похлопал Виктор Илларионович меня по плечу, – ты только при подчинённых не спорь со мной, хорошо?

– Так точно, я и не думал.

– Молодец, мой боевой друг. Ну смотри, передумаешь, выделим тебе тяжёлый танк.

Полковник устроил мне такую популярность среди всей бригады и особенно моего батальона! словно я не в паре коротких боёв дрался, а с «Империалистической» во всех конфликтах, что СССР участвовал, сражался! Ко мне подходили, руку жали, спрашивали, советовались... знаете – стыдно так стало. Я покраснел, хорошо чумазый весь после проверки танков ходил, а то заметили бы. Сразу появилось острое желание – скорее в бой! Доказать, подтвердить свою репутацию и то, что достоин большого доверия Виктора Илларионовича.

Словом, скоро у меня появится такая возможность – фашисты очень близко приблизились к нам.

«Комиссар» (полковник, я его по привычке, всегда либо батей, либо комиссаром звал и до сих пор так зову) незадолго до вступления в бой, ответил на мой поставленный вопрос, – «Зачем вы меня так нахваливаете, зазнаюсь же!»

– Генка, оно так лучше! Воины малость упали духом, им сейчас нужен живой пример отваги, ходивший в атаку и, сражающийся рядом с ними плечом к плечу! Поэтому пойми правильно: если в бой смертельный отправлю, то не потому, что больше некого послать, а чтоб в пример тебя ставить на политзанятиях. Надеюсь, с тобой ничего не случится – я доверяю своему чутью.

– Постараюсь не подвести ваших ожиданий, товарищ полковник!

– Это по-нашему, по-большевистски! Жаль не удалось тебе награды, какой-нибудь выбить в Москве: времени мало и подтверждения наших подвигов недостаточно. Вот, покажешь себя в драке, сразу представление отправлю!

– Виноват, но я сражаюсь не за награды – за Родину.

– Молодец! Сейчас свободен, через двадцать минут общее построение, в разведку боем добровольцев назначать станем: тебе необязательно соглашаться – верная погибель, мой боевой друг.

«А я соглашусь!» – думал про себя, уходя из наскоро выкопанной землянки командира.

С наградами в первый год войны очень туго дела обстояли – это правда. Не знаю, почему так, но многие воины, кто большие подвиги совершал в начале ВОВ, достойно не поощрялись, им вместо положенного по всем канонам звания Героя СССР, запросто давали орден Ленина или Красного Знамени.

Построение проходило в торжественной обстановке, насколько это позволяли обстоятельства. После пламенных речей, преклонения перед знаменем и его поцелуем, слегка склонив голову и помолчав, командир произнёс:

– Требуются добровольцы для разведки боем... необходимо вызвать огонь на себя, чтобы противник демаскировал свои позиции, по возможности определить их количество.

Если читать между строк, сказали нам следующее, – «Кто готов погибнуть? Понимаем, что посылаем „на смерть“, но – Родина Мать зовёт!» – выжить шансы у того, кто на такое подпишется, равнялись чуть больше, чем нулю, я прекрасно всё понимал и... согласился. Те, кто в боях ранее участвовали, смотрели на меня, как на сумасшедшего. С другой стороны, стыдились, что добровольно из батальона попросились лишь несколько человек... немного погодя, вызвались ещё несколько танкистов, включая моего старого товарища.

Арсений захотел со мной, говорит:

– Давай, стрелком-радистом пойду? Мне нужно себя проявить! Коли ранят тебя, быстро смогу заменить, рядом же располагаемся. Шансов уцелеть танку больше вдвое, если мы вместе.

Сначала его довод показался правильным. В другое время, когда не стояло бы острой нехватки подготовленных кадров для новой техники – согласился не раздумывая. Но тогда возразил:

– Нет Сень... не уговаривай. Понимаешь, если нас обоих сожгут, кто останется? С «Тридцатьчетвёрками» во всей бригаде несколько человек в идеале знакомы, а в нашем батальоне – только мы. Поэтому нам двоим головы в одном бою сложить никак нельзя...

Он с печалью, но согласился.

Позже, перед выездом, ко мне подошёл «комиссар» и отчитал:

– Ты понимаешь – это гарантированная гибель и когда я говорил, что тебе нужно проявить себя в бою для поднятия духа остальных, имел в виду другое, не чистое самоубийство!

– Так точно, понимаю. – Вяло улыбнулся я и добавил, – не переживайте, товарищ командир! Пока не умер – я бессмертен! – Не знаю, с чего мне в голову влетела последняя, по сути, абсурдная фраза, которая насмешила Виктора Илларионовича, но она в дальнейшем стала моим девизом на всю войну... на всю жизнь.

– Эка ты загнул! Тебе в политработники нужно, а не за рычаги. У нас это не положено – суеверия, но, скрещу пальцы, чтоб ты живым вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.